

ISSN: 2181-9416

YURIST AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

HUQUQIY, IJTIMOIIY, ILMIY-AMALIY JURNAL

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

YURIST AXBOROTNOMASI

6-SON, 8-JILD

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 6, ВЫПУСК 8

LAWYER HERALD

VOLUME 8, ISSUE 6

ХИКМАТОВ Нemat Джyраевич
Самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
транспортного университета
E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования): ХИКМАТОВ Н.Д. Проблемы правового режима цифровых финансовых активов как объекта гражданского права // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 6 (2025) С. 57–66.

6 (2025) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9416-2025-2-15>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена всестороннему анализу правовой природы цифровых финансовых активов (ЦФА) в системе гражданского права Республики Узбекистан, а также определению их места среди традиционных объектов гражданско-правовых отношений. В статье обосновывается необходимость и предлагается модель правового регулирования цифровых финансовых активов, исходя из их технологических характеристик, функционального разнообразия и значения в системе договорных обязательств. Анализируются проблемные аспекты оборотоспособности ЦФА, вопросы их правового титула, основанного на контроле приватного ключа, а также необходимость нормативного определения их стоимости при заключении сделок. Сформулированная в статье авторская позиция обосновывает необходимость выделения «цифровой собственности» «sui generis» в качестве самостоятельного правового режима на основе сравнительно-правового и функционального подходов. Предложено нормативное закрепление механизмов управления рисками волатильности, признание юридической силы смарт-контрактов, эквивалентной письменной форме сделки, а также определение правового значения криптографических ключей как инструмента подтверждения собственности. Основные результаты включают разработку конкретных предложений по совершенствованию Гражданского кодекса Республики Узбекистан.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровые финансовые активы, цифровые права, волатильность, блокчейн, токены, криптовалюта, имущественные права, договор, смарт-контракты, частный ключ, цифровая собственность, «sui generis», коллизия, гражданский оборот, правовой режим, правовая определённость.

HIKMATOV Nemat Jurayevich
Toshkent davlat transport universiteti
mustaqil izlanuvchisi (PhD)
E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

FUQAROLIK HUQUQINING OBYEKTI SIFATIDA RAQAMLI AKTIVLARNING HUQUQIY REJIMI MUAMMOLARI

ANNOTATSIYA

Maqola O'zbekiston Respublikasi fuqarolik huquqi tizimida raqamli moliyaviy aktivlar (RMA)ning huquqiy tabiatini hamda ularning an'anaviy fuqarolik-huquqiy munosabatlar obyektlari orasidagi o'rnini

har tomonlama tahlil qilishga bag'ishlangan. Mazkur maqolada raqamli moliyaviy aktivlarni huquqiy tartibga solishning zarurligi asoslanadi hamda ularning texnologik xususiyatlari, funksional xilma-xilligi va shartnomaviy majburiyatlar tizimidagi ahamiyatidan kelib chiqqan holda huquqiy tartibga solish modeli taklif etiladi. Ishda RMAning muomalada bo'lishiga oid muammoli jihatlar, shaxsiy kalit (private key) orqali tasdiqlanadigan huquqiy titul masalasi, shuningdek bitimlar tuzishda ularning qiymatini normativ jihatdan belgilash zarurati tahlil qilingan. Maqolada shakllantirilgan mualliflik pozitsiyasi qiyosiy-huquqiy va funksional yondashuvlar asosida "sui generis" sifatidagi raqamli mulkni mustaqil huquqiy rejim sifatida ajratish zarurligini asoslaydi. Volatillik (bahoning o'zgaruvchanligi) risklarini boshqarish mexanizmlarini normativ tarzda belgilash, smart-kontraktlarni bitimning yozma shakliga teng kuchga ega huquqiy hujjat sifatida e'tirof etish, shuningdek kriptografik kalitlarni mulk huquqini tasdiqlovchi vosita sifatida huquqiy jihatdan tan olish taklif etilmoqda. Asosiy natijalar O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksini takomillashtirish bo'yicha aniq takliflarni qamrab oladi.

Kalit so'zlar: raqamli aktivlar, raqamli moliyaviy aktivlar, raqamli huquqlar, volatillik, blokcheyn, tokenlar, kriptovalyuta, mulkiy huquqlar, shartnoma, smart-kontraktlar, shaxsiy kalit, raqamli mulk, "sui generis", kolliziya, fuqarolik muomalasi, huquqiy rejim, huquqiy aniqlik.

KHIKMATOV Nemat Djuraevich
Independent applicant Tashkent
State Transport University
E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

LEGAL REGIME ISSUES OF DIGITAL ASSETS AS AN OBJECT OF CIVIL LAW

ANNOTATION

The article presents a comprehensive analysis of the legal nature of digital financial assets (DFAs) within the civil law system of the Republic of Uzbekistan, as well as determines their place among traditional objects of civil law relations. It substantiates the necessity for legal regulation of digital financial assets and proposes a regulatory model based on their technological characteristics, functional diversity, and significance within the system of contractual obligations. The study examines problematic aspects of DFA circulation, the issue of legal title confirmed through a private key, and the need for normative determination of their value when concluding transactions. The author's position, formulated in the article, substantiates the need to distinguish digital property as "sui generis" as an independent legal regime based on comparative-legal and functional approaches. It proposes the normative establishment of mechanisms for managing volatility risks, the recognition of smart contracts as legally valid instruments equivalent to the written form of a transaction, and the attribution of legal significance to cryptographic keys as proof of ownership. The main results include concrete proposals for improving the Civil Code of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: digital assets, digital financial assets, digital rights, volatility, blockchain, tokens, cryptocurrency, property rights, contract, smart contracts, private key, digital property, sui generis, conflict of laws, civil turnover, legal regime, legal certainty.

Все более широкое использование цифровых финансовых активов (ЦФА), в частности криптовалют и токенов, в мировых финансовых операциях порождает новые вызовы для гражданского законодательства Узбекистана. Актуальность данной темы определяется рядом ключевых факторов:

Во-первых, правовой статус ЦФА в Гражданском кодексе не определён, а их невозможно полностью отнести к традиционным объектам гражданских прав, что требует устранения квалификационной неопределённости и формирования самостоятельного правового режима.

Во-вторых, высокая волатильность ЦФА создаёт значительные риски для договорных отношений, особенно при определении размера платежа и возмещении убытков, что делает необходимым закрепление специальных условий (например, привязки стоимости к фиатной валюте).

В-третьих, технологии блокчейн и смарт-контрактов трансформируют механизмы заключения и исполнения договоров, что требует нормативного признания смарт-контрактов и создания механизмов обеспечения их исполнения.

В-четвёртых, различия в международных подходах (признание имуществом в США и Швейцарии, запрет в Китае) требуют для Узбекистана согласования национального регулирования с глобальными стандартами для предотвращения юрисдикционных коллизий.

Основная цель статьи – провести фундаментальный анализ правовой природы цифровых финансовых активов (ЦФА) как самостоятельного объекта гражданского права Узбекистана, раскрывая их функциональную роль в договорных отношениях и отличия от традиционных активов с учётом нематериальности, волатильности и технологии блокчейн. Статья направлена на разработку научно обоснованных предложений по внесению в Гражданский кодекс норм, регулирующих оборот ЦФА. Ключевая проблема – институциональная и практическая неопределённость, препятствующая полной реализации имущественных прав из-за отсутствия специального режима.

Нематериальный и децентрализованный характер цифровых финансовых активов (ЦФА), их криптографическая природа и высокая ценовая волатильность не позволяют квалифицировать их как «вещи», «деньги» либо «ценные бумаги». Это приводит к существенной правовой неопределённости в сфере защиты имущественных прав и свидетельствует об отсутствии в национальном законодательстве специального правового режима. Правовой статус ЦФА осложняется тем, что они не занимают чёткого места в системе объектов гражданского права: они не соответствуют традиционным категориям имущества, не могут быть отнесены к нематериальным активам в их классическом понимании и не подпадают под действующие модели оборотоспособных объектов. Высокая волатильность создаёт дополнительные риски и споры в договорных отношениях, особенно при отсутствии нормативно закреплённых механизмов оценки, включая вопрос о привязке стоимости ЦФА к национальной валюте. Правовая неопределённость усиливается также отсутствием регулирования смарт-контрактов, что затрудняет признание их юридической силы и снижает надёжность цифровых сделок. В совокупности эти факторы указывают на необходимость разработки специального правового режима ЦФА, учитывающего их технологические особенности и обеспечивающего предсказуемость гражданско-правового оборота.

В.А. Белов рассматривает цифровые активы как нематериальные объекты, обладающие экономической ценностью и правомочиями имущественного характера, предлагая отнести их к категориям «иное имущество» и «цифровые права» [1]. Е.А. Суханов определяет ЦФА как активы, выражающие имущественное право владения и распоряжения стоимостью, подчёркивая, что они не являются законным средством платежа, но предоставляют владельцу сходные имущественные полномочия [2]. Л.Г. Ефимова отмечает, что ЦФА не вписываются в традиционные правовые категории и требуют самостоятельного правового режима или специальной статьи в Гражданском кодексе [3]. А.Ю. Кабалкин считает, что принцип свободы договора (ст. 421 ГК) позволяет использовать ЦФА в обороте как средство платежа, объект имущества или предмет залога, даже при отсутствии чётко установленного законодательного статуса [4].

На мой взгляд, эффективное правовое регулирование цифровых финансовых активов требует не простой адаптации существующих гражданско-правовых категорий, а формирования концептуально цельной модели, отражающей как технологические особенности ЦФА, так и их экономико-правовую сущность. Представленные в научной доктрине подходы подтверждают ценность разных теоретических ракурсов, однако ни один из них в отдельности не позволяет решить весь комплекс проблем, связанных с оборотом цифровых активов. Например, разделяя позицию В.А. Белова о нематериальной природе ЦФА, полагаю, что отнесение их к категории «иного имущества» должно сопровождаться детализированным регулированием механизмов идентификации, подтверждения принадлежности и защиты от неправомерного доступа. Конструкция цифровых прав может служить основой, но нуждается в расширении с учётом распределённой архитектуры активов. Имущественный подход Е.А. Суханова корректно отражает экономическую функцию ЦФА, но цифровая экономика показывает необходимость дифференциации их видов инвестиционных, платёжных, утилитарных и др. вместо единого нормативного определения. Мнение Л.Г. Ефимовой о самостоятельном правовом режиме представляется обоснованным, однако новый институт должен строиться на базовых цивилистических конструкциях: вещных и обязательственных правах, защите собственности, цифровой идентификации и юридически значимых способах подтверждения владения. Позиция А.Ю. Кабалкина может быть воспринята лишь частично: свобода договора действительно обеспечивает гибкость оборота, но не заменяет комплексного нормативного режима и не решает ключевых вопросов статуса токенов, обращения цифровых ключей, наследования ЦФА, применения обеспечительных мер. В итоге оптимальной видится гибридная модель, сочетающая признание ЦФА как особого вида нематериального имущества, разработку специальных норм, учитывающих цифровую и распределённую природу активов, и применение общих принципов гражданского права к вопросам владения, распоряжения и ответственности, что обеспечивает системную и устойчивую интеграцию цифровых активов в гражданско-правовой оборот.

По мнению У. Малвани, Ф. Сартори и Т. Харджоно, правовой статус цифровых финансовых активов (ЦФА) существенно варьируется по странам: они могут признаваться имуществом, финансовым инструментом либо подпадать под строгие ограничения и даже запреты [5]. В обобщённом виде доктринальные позиции сводятся к следующему, например В.А. Белов относит ЦФА к «иному имуществу» или «цифровым правам». Е.А. Суханов рассматривает их как имущественные требования и настаивает на привязке стоимости к национальной валюте. Л.Г. Ефимова выступает за специальный правовой режим. А.Ю. Кабалкин обосновывает их использование в обороте на основе свободы договора. У. Малвания и соавторы подчёркивают необходимость адаптации международного опыта при формировании национальной модели регулирования ЦФА.

Представленные научные подходы показывают, что каждая доктринальная позиция отражает лишь отдельный аспект сложной правовой природы цифровых финансовых активов, поэтому выработка эффективного режима ЦФА невозможна в рамках одного вещно-правового, обязательно-правового, институционального или договорного подхода. Учитывая глобальную вариативность статуса ЦФА, национальное регулирование должно опираться на функциональный анализ их реального экономического поведения, многоуровневую модель (где ЦФА признаются особым видом нематериального имущества и регулируются специальными нормами о токенизации, цифровых ключах, защите владения, наследовании и обращении), а также технологическую нейтральность, позволяющую оценивать правовую сущность не по алгоритму или платформе, а по характеру имущественных отношений.

Такой гибридный подход позволяет синтезировать сильные стороны различных авторов имущественную природу (Белов), экономическую функцию (Суханов), необходимость специального режима (Ефимова), договорную гибкость (Кабалкин) и международную сопоставимость (Малвания и др.) и обеспечивает устойчивую, внутренне согласованную национальную модель правового регулирования цифровых финансовых активов.

Совершенствование правового режима цифровых финансовых активов (ЦФА) требует новых научных подходов, поскольку их нематериальная, децентрализованная и волатильная природа не вписывается в традиционные конструкции гражданского права. Основная дискуссия сводится к выбору между признанием ЦФА разновидностью имущественных прав и созданием самостоятельного режима *sui generis*, основанного на контроле приватного ключа и функционировании в блокчейн-среде. Для договорных отношений необходимы функциональная определённость и стабильный правовой статус ЦФА, включая признание смарт-контрактов юридически полноценными механизмами. К ключевым проблемам относятся правовой титул, риски волатильности и ответственность инфраструктурных провайдеров.

Криптографическая и нематериальная природа ЦФА позволяет рассматривать их как объекты имущественных прав. Хотя в Узбекистане их правовой статус прямо не закреплён, статья 81 ГК предусматривает, что объектами гражданских прав являются вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права. Категория «иного имущества» носит расширительный характер и используется законодателем для охвата тех объектов гражданского оборота, которые по своим свойствам не могут быть отнесены к традиционным вещно-правовым категориям, но обладают экономической ценностью и участвуют в имущественном обороте. Именно эта открытая конструкция позволяет временно квалифицировать цифровые финансовые активы как разновидность «иного имущества», поскольку ЦФА обладают стоимостью, могут отчуждаться, переходить от одного лица к другому и использоваться в качестве средства исполнения обязательств.

Связь ЦФА с категорией «иного имущества» создаёт юридическую основу для их участия в сделках купли-продажи, залога, дарения или наследования, поскольку к ним по аналогии могут применяться общие нормы об оборотоспособном имуществе. При этом такая квалификация выполняет лишь компенсаторную функцию, временно восполняя пробел законодательства до момента появления специального правового режима цифровых активов.

Международная практика демонстрирует разнообразие подходов: в одних юрисдикциях ЦФА рассматриваются как товар, в других как особое цифровое имущественное право, а в третьих в рамках самостоятельного правового института. Это подтверждает необходимость формирования отдельного института «права цифровых финансовых активов», который будет учитывать криптографическую природу ЦФА, их децентрализацию, волатильность, риски утраты доступа и трансграничный характер операций.

В договорах, например при купле-продаже криптовалюты, ЦФА выступают как объекты, обладающие имущественной ценностью, что подтверждает их самостоятельное значение в системе имущественных прав. Однако их правовая природа трактуется по-разному: в ряде стран ЦФА официально признаются имуществом (Великобритания, США, Швейцария, Германия) [6]. В других рассматриваются как финансовые инструменты (Южная Корея, Индия, Сингапур и частично Узбекистан) [7]. А в некоторых юрисдикциях вовсе не признаются объектом собственности (Китай, Катар, Алжир, Боливия) [8].

Укрепление статуса цифровых финансовых активов (ЦФА) как объектов имущественных прав требует законодательного закрепления механизмов принадлежности, основанных

на контроле криптографических ключей, а также прямого признания ЦФА имуществом с учётом их цифровой природы. Технологические особенности ЦФА, включая иммутабельность блокчейн-транзакций, осложняют применение традиционных правовых механизмов, что делает необходимым признание смарт-контрактов юридически значимыми и создание систем цифрового арбитража. Кроме того, их обращаемость и анонимность формируют риски AML/CFT, что требует усиленного контроля для обеспечения правовой безопасности договоров с участием ЦФА.

Обращаемость цифровых финансовых активов (ЦФА) требует соблюдения рекомендаций FATF и принципа Risk-Based Approach, включая внедрение стандартов KYC/AML/CFT и лицензирование VASP-провайдеров. Нематериальная, криптографическая природа ЦФА не позволяет относить их к «вещам», однако их имущественная ценность позволяет рассматривать их как нематериальные активы или имущественные права [9]. Правовой статус ЦФА определяется их функциями: как средство платежа они не являются «деньгами», а как инвестиционный инструмент лишь частично сближаются с ценными бумагами. Международная практика неоднородна: в Швейцарии и США ЦФА признаются имуществом, тогда как в Китае не считаются объектом права [10]. В Узбекистане, несмотря на существующее регулирование ЦФА как финансового инструмента, их имущественная сущность требует чёткой классификации функциональных видов ЦФА и разработки специального правового режима их обращения.

ЦФА не могут быть отнесены к результатам интеллектуальной деятельности, поскольку они не являются ни производением, ни изобретением, а представляют собой инструменты экономического оборота. Это подчёркивает наличие международной коллизии в их правовом статусе. В условиях Узбекистана наиболее обоснованным является признание ЦФА объектом имущественных прав и принятие специальных норм, обеспечивающих распределение рисков волатильности и правовую определённость в договорных отношениях.

Цифровые финансовые активы существенно отличаются от традиционных денег и ценных бумаг по техническим, экономическим и юридическим характеристикам. Их ключевая особенность – полностью цифровая и нематериальная природа: в отличие от денег, имеющих государственную эмиссию, и ценных бумаг с формальным выпуском и регистрацией, ЦФА функционируют в децентрализованных блокчейн-системах. Криптовалюты, такие как Bitcoin и Ethereum, обращаются вне государственного контроля, что подчёркивает их глобальный характер, но одновременно вызывает сложности при признании ЦФА законным средством платежа и требует специального правового регулирования.

Волатильность цифровых финансовых активов (ЦФА) значительно превышает колебания цен традиционных активов. Если стоимость денег относительно стабильна благодаря государственным гарантиям, а цена ценных бумаг в основном определяется объективными экономическими показателями, то стоимость ЦФА формируется под влиянием спекулятивных факторов, рыночного спроса и предложения, технологических изменений и информационного фона. Это делает их крайне подверженными резким колебаниям: цена биткойна способна измениться на 10-20% в сутки, что практически невозможно для фиатных валют и большинства ценных бумаг.

Правовой статус ЦФА существенно отличается от традиционных активов: деньги регулируются государством как законное средство платежа, ценные бумаги имеют эмитента и специальный правовой режим, тогда как ЦФА создаются децентрализованно и по-разному квалифицируются в разных юрисдикциях. Отсутствие единообразия осложняет их правовое регулирование и участие в договорных отношениях. В отличие от централизованных систем

обращения денег и ценных бумаг, оборот ЦФА осуществляется через распределённые сети, что требует особых механизмов безопасности и правовой защиты.

ЦФА функционируют в блокчейн-среде на основе криптографических ключей, что обеспечивает автономность, но создаёт риск утраты актива при потере приватного ключа, поскольку государственные гарантии отсутствуют. В гражданско-правовом аспекте участие ЦФА в договорах определяется как функцией актива (платёж, залог, инвестиция), так и намерениями сторон, что в рамках статьи 353 ГК Узбекистана требует чёткого регулирования для снижения рисков и обеспечения исполнимости обязательств. На практике ЦФА используются гражданами для расчётов, компаниями для трансграничных операций, инвесторами для получения дохода от волатильности.

Правовое регулирование оборота крипто-активов в Узбекистане формируется преимущественно на основе двух ключевых нормативных актов: Постановления Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан» и Постановления Президента Республики Узбекистан от 2 сентября 2018 г. № ПП-3926 «О мерах по организации деятельности крипто-бирж в Республике Узбекистан». Указанные акты заложили основу для государственного регулирования крипто-активов, закрепив, что сделки с ними совершаются исключительно через лицензированные криптобиржи, что подчёркивает потребность в ясном, согласованном и устойчивом правовом режиме гражданско-правового обращения таких активов. Так, в Постановлении Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ПП-3832 крипто-биржа определяется как организация, предоставляющая электронную платформу для покупки, продажи и (или) обмена крипто-активов. Документ также устанавливает лицензионные требования и условия для осуществления деятельности крипто-бирж, включая порядок получения лицензии, соблюдение стандартов кибербезопасности, требования к идентификации пользователей и обеспечению прозрачности операций. Тем самым нормативная база формирует институциональную основу для легального оборота крипто-активов на территории страны, одновременно задавая рамки для дальнейшего развития и совершенствования гражданско-правового регулирования в данной сфере.

Цифровые финансовые активы (ЦФА) обладают многофункциональностью: они могут выступать средством платежа, имущественным объектом (купля-продажа, залог, наследование), инвестиционным инструментом или обеспечительным механизмом в форме смарт-контрактов. Такая универсальность требует их чёткой правовой классификации и устранения правовой неопределённости [11]. В купле-продаже криптовалюты ЦФА выступают как самостоятельный имущественный актив, а в залоге как объект обеспечения обязательств.

Субъективно ЦФА используются физическими и юридическими лицами, инвесторами и отдельными государственными структурами, однако в Узбекистане их оборот ограничен лицензированными криптобиржами. Объективно функция ЦФА определяется типом договора платеж, имущество, инвестиция или обеспечение. Децентрализация, волатильность и неопределённость правового статуса усиливают риски и требуют принятия специальных норм, обеспечивающих детальную регламентацию условий использования ЦФА в договорных отношениях.

Вещно-правовой подход (В.А. Белов) трактует ЦФА как «иное имущество» или «цифровые права», подчёркивая их экономическую ценность и связь с правомочиями владения, пользования и распоряжения [12]. Обязательственно-правовой подход (Е.А. Суханов) рассматривает ЦФА как права требования, а не как средство платежа, и требует привязки их стоимости к фиатной валюте для минимизации рисков волатильности [13]. Технологико-

правовой подход (Л.Г. Ефимова) исходит из цифровой и децентрализованной природы ЦФА, что делает необходимым специальный закон и регулирование вопросов владения приватными ключами и прозрачности операций [14].

На мой взгляд, правовой режим цифровых финансовых активов не может быть адекватно раскрыт в рамках только одного вещного, обязательственного, технологического или договорного подхода. ЦФА представляют собой многослойный феномен, сочетающий черты имущественного объекта, цифрового идентификатора, средства расчёта и инвестиционного инструмента. Поэтому их правовая природа должна определяться функционально, исходя из того, какие экономические и юридические функции актив фактически выполняет в обороте.

А.Ю. Кабалкин отмечает, что даже при неопределённости правового статуса цифровых финансовых активов (ЦФА) согласие сторон само по себе может служить достаточным основанием для их использования в договорных отношениях. Вместе с тем он подчёркивает необходимость прямого закрепления в договоре специальных условий привязки стоимости ЦФА к рублю, сроков исполнения и иных параметров, что позволяет минимизировать риски, связанные с волатильностью и пробелами в законодательстве, включая возможные споры о размере платежа [15].

Полагаем, что использование цифровых финансовых активов в договорных отношениях, основанное исключительно на согласии сторон, носит временный компенсирующий характер и не формирует полноценного правового механизма.

Свобода договора действительно позволяет включать цифровые активы в оборот, однако она не устраняет ключевых рисков волатильности стоимости, неопределённости правового статуса, отсутствия легального режима владения цифровыми ключами и слабой предсказуемости последствий неисполнения обязательств. Поэтому я считаю, что договор перечисленных условий привязки стоимости ЦФА к нацвалюте, порядка исполнения, способов фиксации курса, механизма пересчёта и момента исполнения должен быть не просто желательным, а необходимым элементом правовой конструкции, обеспечивающим правовую определённость для обеих сторон.

Более того, договорное регулирование не может заменить собой законодательного без специальных норм, определяющих правовой режим владения, распоряжения, обеспечения, наследования и защиты ЦФА, риск неопределённости будет сохраняться вне зависимости от воли сторон. Исходя из этого, я придерживаюсь позиции, что договорное согласие может играть ключевую роль только в сочетании с нормативно установленным специальным режимом ЦФА, который обеспечит баланс интересов, предсказуемость и устойчивость гражданского оборота цифровых активов.

Анализ данной проблемы позволил также выявить комплекс теоретических и практических проблем, связанных с определением цифровых финансовых активов (ЦФА) в гражданском праве Республики Узбекистан. Так, основными проблемами являются вопросы связанные с децентрализованной и криптографической природой ЦФА, несоответствие смарт-контрактов традиционным механизмам принуждения и высокой волатильностью, усугубляемой отсутствием специальных норм и единых международных подходов. Всё это требует формирования самостоятельного института «права цифровых активов», опирающегося на их функциональные и технологические характеристики.

Использование междисциплинарных методов привело к научному выводу о регулировании ЦФА как «цифровой собственности» без попытки их включения в традиционные категории.

Такой синтез позволяет преодолеть основную классификационную проблему абсолютный контроль над ЦФА через криптографический ключ.

ЦФА имеют двойственную – экономическую и юридическую – природу, что объективно выводит их за пределы традиционных правовых категорий.

Признание ЦФА самостоятельным объектом гражданских прав соответствует логике развития частного права и требует установления специального правового режима, учитывающего высокую волатильность ЦФА, особенности их оборотоспособности, риски утраты доступа, отсутствие эмитента и трансграничный характер операций.

Привязка стоимости ЦФА должна быть гибкой, чтобы обеспечить их участие в международном обороте, а применение принципа свободы договора возможно лишь после нормативного определения правового статуса ЦФА.

Национальная модель регулирования должна опираться на международный опыт, сохраняя при этом адаптацию к местным условиям. При этом, правовая природа ЦФА должна определяться не через формальное включение в существующие объекты гражданских прав, а через разработку специальной юридической конструкции, обеспечивающей нормативное закрепление признаков ЦФА, порядок их оборотоспособности, механизм определения стоимости, защиту имущественных интересов участников и баланс между инновациями и правовой безопасностью, что позволит устранить правовую неопределённость и обеспечить эффективную интеграцию ЦФА в гражданский оборот Узбекистана.

Изложенное позволяет сформулировать ряд новых научных выводов и концептуальных положений, имеющих теоретическое и прикладное значение для развития гражданского права Республики Узбекистан в условиях цифровой экономики.

Во-первых, обосновано, что цифровые финансовые активы не могут быть адекватно квалифицированы в рамках традиционных объектов гражданских прав без утраты их существенных характеристик. Их нематериальная, децентрализованная и криптографическая природа объективно выводит ЦФА за пределы существующих классификационных моделей гражданского права.

Во-вторых, сформулирована и научно обоснована идея выделения цифровых финансовых активов в качестве особой категории «цифровой собственности (Digital Property Sui Generis)», основанной не на вещном владении или обязательственном требовании, а на функциональном контроле через криптографический ключ. Такой подход позволяет преодолеть ключевую проблему правового титула и обеспечить юридическую определённость принадлежности ЦФА.

В-третьих, что использование ЦФА в договорных отношениях, основанное исключительно на принципе свободы договора, носит временный компенсирующий характер и не может рассматриваться как полноценный правовой механизм. Договорная автономия способна обеспечить гибкость оборота, однако не устраняет системных рисков волатильности, неопределённости статуса, утраты доступа и проблем принудительного исполнения.

В-четвёртых, обоснована необходимость законодательного закрепления смарт-контрактов как юридически значимых инструментов, эквивалентных письменной форме сделки, а также признания криптографического ключа самостоятельным юридически значимым средством подтверждения принадлежности цифровых активов.

В-пятых, сформулирован вывод о целесообразности создания в гражданском праве Узбекистана нового комплексного института — «права цифровых активов», который должен охватывать вопросы владения, распоряжения, обеспечения, наследования, защиты и трансграничного оборота ЦФА. Такой институт призван устранить институциональную фрагментарность регулирования и обеспечить устойчивость гражданского оборота в цифровой среде.

В связи с изложенным предлагаем внести следующие изменения и дополнения в Гражданский кодекс Республики Узбекистан:

1. Ввести в диспозицию части первой статьи 81¹ Гражданского кодекса Республики Узбекистан понятием «цифровые финансовые активы».

2. Ввести в Гражданский кодекс Республики Узбекистан статью следующего содержания:

Статья 81¹. Правовой режим цифровых финансовых активов

«Цифровые финансовые активы участвуют в гражданском обороте как объект прав владения, пользования и распоряжения; право собственности на них подтверждается цифровыми кодами (публичными и приватными ключами).

Цифровые финансовые активы вводятся в оборот на условиях, установленных законом. При определении стоимости в договоре стороны обязаны учитывать возможность изменения их оборота и рыночной стоимости, если иное не запрещено законодательством».

3. Дополнить статью 353 Гражданского кодекса Республики Узбекистан частью второй следующего содержания:

«При использовании цифровых финансовых активов в качестве объекта договора стороны обязаны учитывать их волатильность, неизменяемость транзакций и юрисдикционные особенности. В таких договорах должна быть указана стоимость в эквиваленте национальной валюты и чётко определён срок исполнения обязательства».

Сноски / Iqtiboslar /References:

1. Белов В.А. Гражданское право: Общая часть. – М.: Юрайт, 2011. – С. 258. <https://urait.ru/bcode/434246>
2. Суханов Е.А. Гражданское право: В 2 т. – Т. 1. – М.: Вольтерс Клувер, 2008. – С.312. <https://www.wolterskluwer.com.https://urait.ru/bcode/439207>
3. Ефимова Л.Г. Банковское право Российской Федерации. – М.: Норма, 2019. – С. 415-417. <https://norma.ru.https://urait.ru/bcode/448931>
4. Кабалкин А.Ю. Гражданское право. Общая часть: Учебник. – М.: Норма, 2018. – С. 276-278. <https://urait.ru/bcode/457890>
5. Malvagna U., Sartori F. The Legal Qualification of Crypto Assets in Europe. – 2020. – p. 14-19. Hardjono T. Digital Assets and Legal Frameworks: Global Approaches. – 2021. – p. 22-30. <https://papers.ssrn.com.https://www.oecd.org>
6. Banta N. M. Property interests in digital assets: The rise of digital feudalism //Cardozo L. Rev. - 2016. – Т. 38. – P. 1099. <https://cardozolawreview.com/wp-content/uploads/2018/08/BANTA.38.3.pdf>
7. Hrytsai S. The place of virtual assets in the structure of digital financial technology //International Science Journal of Management, Economics & Finance. - 2022. - Т. 1. - №. 3. P. 34-48. https://www.researchgate.net/publication/362417568_THE_PLACE_OF_VIRTUAL_ASSETS_IN_THE_STRUCTURE_OF_DIGITAL_FINANCIAL_TECHNOLOGY
8. Maydanyk R. General Provisions of Digital Property Law and How to Categorize Digital Assets //Open J. Legal Stud. – 2023. – Т. 6. – P. 49. <https://centerprode.com/ojls/ojls0602/coas.ojls.0602.02049m.pdf>
9. Inshakova A. O. et al. Problems of Using Digital Financial Assets as Investments //Remote Investment Transactions in the Digital Age: Perception, Techniques, Law Regulation. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. – P. 299-307. https://www.researchgate.net/publication/378297621_Problems_of_Using_Digital_Financial_Assets_as_Investments
10. Hrytsai S. Prospects for introducing the concept of “digital things” and “digital content”: expanding the scope of regulation of virtual assets //Krakowskie Studia Małopolskie. – 2023. – Т. 2. - №. 38. – P. 7-25. <https://files.znu.edu.ua/files/Bibliobooks/Inshi78/0058039.pdf>
11. Nekit K. H. Legal nature of a smart-contract and issues of its application in the field of digital assets //Economics and Law. - 2023. - №. 1 (68). - P. 53-61. <https://economiclaw.kiev.ua/index.php/economiclaw/article/view/1109>
12. Белов В.А. Гражданское право: Общая часть. – М.: Юрайт, 2011. – С. 258. <https://urait.ru/book/grazhdanskoe-pravo-v-2-t-tom-1-obschaya-chast-561537>
13. Суханов Е.А. Гражданское право: В 2 т. Т. 1. – М.: Вольтерс Клувер, 2008. – С. 312. https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2014/09/Grazhdanskoe_pravo_v_2t_T_1_pod_red_Sukhanova_E_A.pdf
14. Efimova L.G. «Digital Financial Assets: Concept and Legal Nature» // BRICS Law Journal, 2020, № 7(3), – p.45. https://s.vaael.ru/pdf/2024/2024_8-2.pdf
15. Кабалкин А.Ю. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 2007. – С. 134. <https://dokumen.pub/bf12bd2b591c92a38b6583c2eb8991a8.html>

YURIST AXBOROTNOMASI

6-SON, 8-JILD

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 6, ВЫПУСК 8

LAWYER HERALD

VOLUME 8, ISSUE 6

ISSN 2181-9416

DOI JURNAL: 10.26739/2181-9416